

© 2025 Т. А. Листова
Москва, Россия

ПРАВОСЛАВИЕ В ОБРЯДАХ ПЕРЕХОДА: РИТУАЛИЗИРОВАННЫЕ АКТЫ УСЫНОВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросу усыновления детей-сирот, а также детей из семей, не выполняющих родительские обязанности, в крестьянской среде. На основании этнографических материалов показано, как и каким образом традиционная культура решала проблему необратимости акта усыновления. В фокусе исследования – православный контекст ритуалистических действий, оформляющих и легитимизирующих факт усыновления.

Ключевые слова: усыновление, православие, семья, родители, ритуалы и обряды, русские крестьяне.

Ссылка при цитировании: Листова Т. А. Православие в обрядах перехода: ритуализированные акты усыновления в русской традиции // Традиции и современность. 2025. № 43. С. 87–94

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Динамика идентичностей и культур населения России: академические и прикладные социально-антропологические исследования»

Листова Татьяна Александровна (Listova Tatjana Alexandrovna) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: listova.ta@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 43. С. 87–94
ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК- 248.158; ББК- 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-43/87-94>

Любая цивилизация может существовать лишь при достаточном восполнении ее населения, причем восполнении не только численном (демографическом), но и культурном. В силу этого у каждого народа формировалась культура деторождения и одновременно вырабатывались традиции целенаправленной социализации каждого следующего поколения, предусматривающие успешность вхождения ребенка в жизнь того социума, в котором ему предстояло жить. Специфика содержания воспитательных и образовательных направлений зависела от ряда факторов. Поскольку речь в статье пойдет о дореволюционном времени, то к таковым прежде всего следует отнести фактор сословной принадлежности. При едином культурном фонде русских, идеологической основой которого было православие, каждое сословие имело свои воспитательные доминанты, свою систему ценностей и, соответственно, свои ориентиры в организации жизни детей.

Настоящая статья имеет целью показать один из аспектов культуры детства в крестьянской среде. При написании статьи в основном использованы следующие материалы: этнографические данные, записанные С. Пономаревым во второй половине XIX в., они хранятся в фондах Русского Географического общества (АРГО. Ф. 12), материалы фонда В. Н. Тенишева (АРЭМ. Ф. 7), информация о традиционной культуре детства, собранная Г. М. Науменко во второй половине XX в. (Науменко 1998). Различные аспекты причин и условий усыновления в крестьянской среде подробно рассмотрены в работах И. В. Власовой (Власова 2001), С. В. Голиковой (Голикова 1996), С. В. Кузнецова (Кузнецов 2008). Из последних работ следует отметить исследование Н. В. Шляхтиной о положении детей-сирот в России, в котором она характеризует различные конкретные формы жизнеустройства сирот, отмечая и роль общины, и влияние православных норм на поведение крестьянского общества в заботе о детях (Шляхтина 2018).

Жизнь крестьянской семьи и, соответственно, социализация детей во многом регламентировались и контролировались общиной. Однако основной процесс социализации происходил именно в семье, где ребенок с малолетства познавал специфику крестьянской жизни и включался в трудовой ритм взрослых. Таков был традиционный порядок, обеспечивающий стабильность существования каждого домохозяйства и всей общины. Однако в этой упорядоченной структуре жизнеустройства существовали девиантные варианты, требующие вмешательства крестьянского общества.

Проблемной категорией были дети-сироты или дети в семьях, не способных обеспечить ребенку

должный уход, что включало как заботу о здоровье, так и подготовку к будущей жизни. Тяжелая участь таких детей – один из постоянных сюжетов дореволюционных описаний крестьянства. При этом община была заинтересована в сохранении их жизни и социализации, что было важно с точки зрения ее успешного функционирования. Одной из возможностей разрешения проблемы жизнеустройства сирот было их усыновление. Некоторые причины данной институциональной акции и особенности актов усыновления будут рассмотрены ниже.

Обращение к данной теме вызвано существующей в наше время проблемой, связанной не столько с самим актом усыновления, сколько со сложностями дальнейшей адаптации обеих сторон к совместному сосуществованию, что нередко кончается возвратом усыновленного в детский дом и трагедией для ребенка. Эта проблема активно обсуждается специалистами, но оптимального варианта ее решения пока не найдено.

Есть предложения активизировать психологическую службу, в задачу которой входит определение подготовленности взрослых к приему чужого ребенка и степени их эмоционально-психологической совместимости с усыновляемым, но чувствуется явная нехватка высокопрофессиональных психологов. Данные в интернете о числе возвращенных детей могут существенно отличаться в зависимости от того, идет ли речь только об усыновленных или и о детях, находящихся под опекой. Приведу цифры одного из специальных исследований «Российское сиротство в цифрах исследования»: в 2021 г. в России на 100 решений о передаче ребенка в семью приходилось 7 отмен. По мнению авторов статьи, есть признаки негативной динамики; в 2014 г. на 100 решений о передаче детей было только 5 отмен. В 2021 г. 5272 ребенка имели опыт вторичного сиротства: вернулись в учреждение для детей-сирот из новой семьи (Пипия и др. 2022). Причем по данным тех же авторов 59% отказов происходит по инициативе новой семьи. Указанная ситуация заставляет обратиться к традиционной практике усыновления в крестьянской среде, известной нам по материалам второй половины – конца XIX в. Практика усыновления и ее последствия находились и находятся в основном в поле зрения юристов, рассматривающих права и обязанности родителей и детей. Нас больше интересует не правовой момент, а культурные традиции, исключающие возможность возвратных действий. Как показывают этнографические материалы, в признании полной и неоспоримой легитимности усыновления в глазах семьи и общины определяющим фактором зачастую были определенные ритуальные действия. Особый, не подлежащий пересмотру статус получали акции,

репрезентирующие соучастие в них православной святости. Именно такие акции представляют для нас особый интерес как показатель вариативности православной культуры русских, в любых вариантах, воздействующих на акции общественного характера.

Феномен усыновления существовал еще в Древней Руси, причем именно Церковь была правомочна узаконивать совершившийся акт через особое чинопоследование. Вся акция усыновления номинировалась церковным языком как «сынотворение». На наш взгляд, церковные акты оказали влияние на формирование народной практики, что будет очевидно из приведенных в статье материалов. Но прежде приведу описание ритуального действия, представленное в «последовании о сыноположении» в Большом Третьяке: «Стоит хотя бы паки родиться сын или дочь от внутри дверей святаго жертвенника и приемник от вне, оба свещи держащем возжженные. Священник, нося священническую одежду, творит молитвы: Трисвятое, Пресвятая Троица, Отче наш, и другая». Затем священник прочитывает две особые, на этот случай установленные молитвы. «И приемлет отец сына от жертвенника, сын же падает к ногам отца и попирает его отец в выю, глаголя: днесь сын мой еси ты, аз днесь родих тя. И возставляет его. Также целуют друг друга. Священник творит отпуст, и благословляет я, и чит я» (Григоровский 2008). В XVIII в. чин церковный сынотворения ушел из практики, усыновление перешло в ведение светских властей и в течение XVIII в. не имело четких законодательных установок. В XIX в. закон достаточно подробно разработал правила усыновления в среде дворянства. В крестьянском же обществе усыновление подчинялось, в основном, обычному праву, регулирующему имущественные отношения и обязательства сторон, без каких-либо письменных договоров, но с выполнением обрядово-ритуальных актов, имеющих легитимизирующее значение. Поскольку русский человек постоянно ощущал себя в православном пространстве, то ритуализация актов, определяющих характер будущих взаимоотношений, должна была быть закреплена соучастием святого мира.

Основной состав усыновителей – бездетные пары. Историки семьи и семейных отношений, как дореволюционные, так и современные, основную причину усыновлений видят в хозяйственно-экономических обстоятельствах: семье нужны были рабочие руки. Не опровергая это утверждение, обратим внимание на причины иной природы, которыми руководствовались русские крестьяне. Кроме жалости к обездоленному ребенку, к мотивам усыновления примешивалась и уверенность в совершении тем самым богоугодного дела, в следовании

христианским заветам. Исследователи культуры русских Урала фиксировали, что, «когда супруги убеждались в невозможности иметь своих детей, они старались усыновить чужого ребенка, чаще всего малолетнего сироту. Иногда «прием в дети» совершался при живых родителях ребенка. Взятый «в прокормление» ребенок заменял «родное детище и звался по имени и фамилии своего воспитателя». Приемные дети имели те же права и обязанности в семье, что и родные (в частности, право на наследование). От детей не скрывали историю их попадания в приемную семью. Как правило, прием «в дети» регулировался обычным правом и не сопровождался заключением письменных договоров. Исключением были случаи, когда крестьянского ребенка брали на воспитание люди иного социального сословия» (Голыкова 1966: 126).

Православное законодательство (50-я глава Кормчей книги 1-й части о тайне супружества) запрещало браки с усыновленными, приравнивая их к единокровным, имея в виду, по-видимому, совершение усыновления либо через церковное чинопоследование – сынотворение, либо юридически узаконенное государством (Красножен 1906: 224). Однако в крестьянской среде вопрос о правах приемных детей и наделении их статусом единокровных, то есть допустимости последующих брачных связей внутри семьи, решался локально в соответствии с местными обычаями. Большое значение в процедуре усыновления и в построении внутрисемейных отношений играл возраст приемных детей. Как сообщали исследователи культуры Нижегородского края, «охотнее всего крестьяне брали сирот, которым родители не оставляли никакого имущества. В этом был свой расчет: таких сирот, особенно мужского пола, обыкновенно брали к себе бездетные или малосемейные, приписывая впоследствии к своему семейству и нередко отдавая за них замуж своих дочерей. По выводу исследователя семейного права С. В. Кузнецова, этот порядок относился к приемышам, взятым в отроческом и юношеском возрасте; что касается приемышей младенческого возраста, то они воспитывались с родными детьми и считались равными им, из-за чего не могли вступать в брак с детьми лиц, принявших их (Кузнецов 2008: 242).

При решении вопросов об усыновлении крестьяне руководствовались общеправовыми нормами и практическими соображениями. Приведу пример из материалов, собранных известным исследователем крестьянских обычаев С. Пономаревым: «В Пензенском у. прежде брали в приемыши девочку и мальчика, потом их венчали и давали все свое хозяйство, приучая ко всему доброму, порядку, чтобы хозяйство не рушилось потом» (АРГО.

Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 55). Об аналогичном подходе к допустимости браков усыновленных детей свидетельствуют и материалы из других губерний. «С маленькими приёмными расписки не делают. Если сыновей нет, то часто женят на дочерях. Если есть сыновья – женят и выделяют» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 55; с. Лосиная Лука Липецкого у. Тамбовской губ.); «Побратимство не считается родством, а также и усыновление совершенно чужих по крови детей, а поэтому и препятствием для вступления в брак не служит» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 147. Л. 19; д. Калинкино Вологодского у. Вологодской губ.).

Заинтересованная в сохранении жизнеспособности каждого домохозяйства, община поощряла, в том числе и экономическими мерами, практику усыновления бездетными парами. Например, если у крестьянина «дети все девочки», то сход принимал решение «наделить его на будущего приемного сына на ½ души» (Кузнецов 2008: 116). По мнению исследователей семейных отношений на Урале, подобный поступок со стороны приемных отца и матери расценивался «как благодеяние по отношению к усыновленному (удочеренной) и его родителям». В описании одного из случаев усыновления С. В. Голикова приводит комментарий брата приемного родителя по поводу совершенного акта: «Брат мой считал его за своего родного сына и был ему, одно слово, благодетель». При этом приемная мать добавила, что появление у них в доме приемного сына лишь укрепило царящий в нем мир: «Жизнь ему (приемышу. – Т. Л.) была хорошая, всем он был доволен от моего мужа, и никакой разорки у нас в семье не было» (Голикова 1966: 125). В обоснованиях усыновления сказывалось отношение к деторождению как к соблюдению Божьего закона, кроме того, народная религиозная этика рождение детей рассматривала как легализацию греховных интимных отношений. В таких случаях, при отсутствии собственных детей, приемный ребенок становился оправданием супружества. «Дети – благодать Божья. У кого нет детей, тот во грехе живет. Чтобы Бог простил, приемных берут» (Науменко 1998: 13; Лешуконский р-н Архангельской обл.). Причины усыновления православный человек часто видел в плоскости сотериологии – желании спасти свою душу: «У нас говорили: “для душеньки взять” – это значит сироту взять и как родного ребенка воспитать. И брали, как узнавали, где сирота какой объявлялся. Чаще эти приемные в бедных семьях жили, чем в богатых» (Науменко 1998: 115; г. Шенкурск Шенкурского р-на Архангельской обл.); «Бывало, что какая непутевая девка родит тайком и подбрасывает ребенка кому-то на порог под дверь. Тогда подкидыша обязательно в семью брали, считалось это делом добрым, хорошим – для спасения души» (Науменко

1998: 115; Уральский р-н Свердловской обл., яицкие казаки). Раздумывая о посмертной участи можно считать одной из доминантных характеристик русской религиозности. Спасение души, облегчение ее пребывания в ином мире связывали с неустанным поминанием умерших живыми, прежде всего детьми. И это обстоятельство также играло роль в практике усыновления. В приведенной ниже цитате из материалов фонда С. Пономарева интерес представляет характерное для крестьянской ментальности соединение прагматики, точнее, бережного отношения к хозяйству, и мысли о посмертном будущем. «Приемных и “подкидху” принимают в дом бездетные, чтобы они приняли их имущество и поминали их: грешно имуществу пустовать и без помина душе быть» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 63. Задонский у. Воронежской губ.).

Сам акт усыновления нередко включал ряд действий, которые можно рассматривать как сугубо народные практики. Суть распространенных актов – путем имитации придать реальность появлению нового ребенка, утвердив тем самым его легитимный статус члена семьи. Один из вариантов заставляет вспомнить церковное сыновствование, правда, в данном случае имитация рождения максимально приближена к реальному акту. «Приемыша в 1,5 года баба перераживала, при муже, бабка приняла на руки – повитуха. Это вместо “кумов”» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 29. Епифанский у. Тульской губ.). Ритуальный акт усыновления через имитацию родов мог одновременно включать и импровизированные крестины, что полностью вписывалось в последовательность действий с новорожденным в православной семье: ребенок признавался обществом и церковью полноценным только после крещения. «Тётка взяла в дом племянницу, собрали народу, как для крестин. Баба легла в постель и около её дочь, ей 8 лет. И на зубки все носили. И кашу варили» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 38. Богородицкий у.).

Ритуально-имитационные действия, легитимизирующие новый статус ребенка, нередко включали еще одну процедуру, имеющую в народной культуре не только практическое, но и свято-сакральное значение. Это кормление грудью усыновляемого ребенка. «К груди прикладывают, хотя бы не было молока, если усыновят. А большого на пороге садят, отец с матерью садятся на пороге лицом к избе и к правой груди приглубят» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 43. Землянский у. Воронежской губ., с. Колыбелька). В данном случае есть смысл сказать несколько слов о том, что у русских кормление грудью чужого ребенка занимало особое место в системе религиозно-коммуникативных связей. Приведу (несколько отрывочные, поскольку услышаны от разных собе-

седников, но информативные) данные из материалов С. Пономарева о дальнейшей степени близости, вплоть до статуса кровных, отношений ребенка и кормилицы, фактически давшей ему возможность жить. «По молоку есть братья и сестры. Берут безденежно, особенно сирот. Потом отцу возвращают. Ничего не платят. Мальчишка зовет матерью. Свою дочь отдать за него нельзя: «однокровный», закон не позволяет. «Не та мать, которая родила, а та мать, которая вскормила». До сих пор пишут письма «мамаша». Много берут таким образом» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 14. Л. 92. Землянский у. Воронежской губ.).

Ритуальные акты, легитимизирующие факт передачи ребенка (не сироты) в новую семью, могли иметь форму, обычную для товарообменных операций, что может шокировать современного человека. Но нужно обратить внимание на то, что в любом варианте акции тем или иным способом подчеркивается обращение за Божьей помощью, и все действия сопровождаются традиционным для православного уклада жизни молитвенным сопровождением. «[Берут] преимущественно мальчиков. При усыновлении ребенок передается своей родной матерью или лицом, заменяющим ее, новому названному отцу, из полы в полу, как делается обычно при покупке и других сделках. При этом мать говорит обыкновенно: «С Богом», «Подай Бог счастье», – отвечает усыновляющий. Затем, поставив ребенка на пол или передав его жене, отец берет мать ребенка за руку и сажает ее рядом с собой на передней лавке. В это время кто-либо из домашних засвечает перед образом свечку-восковку или лампадку. Все находящиеся в избе должны присесть ненадолго на лавки, затем поднимаются и молятся Богу. Этим акт усыновления кончается. Имущественные права у приемного, как у сына» (Якушкин 1896: 218). Иногда процедура усыновления путем передачи ребенка от неимущей, по-видимому, матери в новую семью могла включать символическую продажу с установлением «родственной» связи между новыми и старыми родителями, причем богоугодность действия подчеркивалась религиозными актами. «При приёме детей молятся, служат молебен, ребёнка садят в передний угол, новая мать даёт ломоть хлеба посолёный, а родной его матери даёт двугривенный “я покупаю его”. Приёмная мать – благословляет иконой, и тогда обе женщины зовутся сватьями» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 54. Чернский у. Тульской губ., с. Троицкое). Напомню, что акт благословения – это один из наиболее распространенных элементов православной культуры русских, при котором собственное одобрение происходящего подразумевает и поддержку мира святости (Листова 2010: 326–327). Поэтому использование религиозной традиции в ритуале усыновления закономерно. «При-

ёмшей благословляет прежде родная мать, а приёмная мать после» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 45. Шенкурский у. Архангельской губ.).

Из приведенных примеров можно сделать вывод: ритуализированные акции могли имитировать состоявшиеся роды или иметь форму товарно-денежных отношений, то есть имели место реальные акты, но православное оформление, обращение к святым возводило смоделированное усыновление в другую – сакрально-святую плоскость и придавало особое звучание его легитимности.

Еще более сакрально-святую значимость в понимании верующих людей приобретало усыновление, процесс совершения которого включал святых персонажей как посредников в совершающемся акте. Приведу пример из Симбирской губ.: «В Промзине Симбирской губ. существует особое место и день, к которым приурочиваются случаи усыновления. В этом селе находится чудотворная икона св. Николая чудотворца. В день празднования, 9 мая, бездетные крестьяне собираются в церкви и ставят в определенном месте. Решившийся отдать своего ребенка в чужую семью передает его в толпу, которая подносит ребенка к иконе и затем, направляясь к боковым дверям, где ждут крестьяне, ищущие возможности кого-либо усыновить. Выходя из церкви по окончании обряда, получившие нового члена семьи говорят: “Это нам дал Николай угодник”» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1859. Л. 3.).

С праздником и иконой Николая Чудотворца связан и обычай усыновления, существовавший в Пензенской губ. «В с. Гром (возможно, с. Громов Башмаковского у. Пензенской губ. – Т. Л.) на богослужение приносят ребят и подкидывают больше на вешнего Николу, так как там явленная икона и много народа. Поп благословляет и берет кто-нибудь в дети» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3). Выбор святителя Николая в качестве посредника объясняется, видимо, не только уверенностью в постоянном сопричастии святителя в жизни верующих и его скорой помощи, но и преданием о спасении чудотворцем утопающего младенца. Соучастие любимого святого в акте усыновления утверждало его институциональность. Отказаться от полученного через Божье благословение и посредничество святого Николая ребенка становилось невозможным, так как противоречило бы православной ментальности русского крестьянина.

Приведенные выше примеры касались, в основном, усыновления малолетних детей. Более ритуально сложным и религиозно символическим выглядит вариант усыновления взрослого молодого человека (см. ниже), причем речь идет не о сироте, а о «передаче» усыновляемого от биологических родителей усыновителям. К сожалению, автор при-

веденного описания не указывает причину приобретения новых родителей молодым человеком, тем более уже имеющим свою семью. Есть смысл привести целиком описание всего развернутого действия, поскольку в нем очевидно характерное для крестьянской ментальности значение православно-общественного оформления происходящего. Содержание всего ритуала опять заставляет вспомнить церковный акт сынотворения (см. выше), фиксировавший переход в новый социально-родовой статус.

В роли основных действующих лиц фигурируют молодой человек Павел и отцы – настоящий и воспринимающий.

В начале церемонии настоящий отец выступает с обращением к новым родителям, декларируя окончательный и необратимый переход сына к новым родителям. Причем в данном случае переходный характер действия требует, по мнению исполнителей, радикальных акций: отречение настоящего отца от сына и, более того, угрозу проклятия в случае его недостойного отношения к новым родителям. «Отец дает заверения: “Не буду переманивать его обратно к себе. Если он будет плохо обращаться с новыми родителями, то я прокляну его. А если будет хорошо обходиться с новыми родителями, то благословляю его отныне и до века. Теперь Павел не мой сын, а Григорьев. Перед Богом и добрыми людьми отрекаюсь” (Три раза)¹. Сделал три земных поклона перед иконами и поцеловал ту икону, которой благословляет Павла. Потом до трех раз поклонился в пояс в сторону народа. Народ также ему поклонился. После этого Федор подошел к Павлу и сказал ему: “Стань предо мной на колени, я тебе дам последнее благословение и последний совет”. Павел встал перед ним на колени. Федор возложил ему на голову свою правую руку и сказал: “даю тебе свое благословение, на веки нерушимое, которое от огня спасает, из ада вынимает. Даю на добрые дела. Будь кроток, послушен, не таись от новых родителей. Старайся им угодить и успокоить их старость”. После этого поцеловал его и сказал: “Теперь все готово. Можно идти с Богом”. Как только Федор это выговорил, все родные заголосили, провожая его из дома, как покойника. Впереди пошел сельский староста с ковригой под мышкой, за ним Федор с иконой благословения, около него шел Павел с обнаженной головой. За Павлом шла его жена с родными, а за ними весь народ. Все шли тихо в глубоком молчании. Григорий, увидев идущих, взял в руки ковригу, а Евдокия солонку и с поспешностью вышли к ним навстречу. Как только староста и Федор с Павлом подошли к ним, Григорий поклонился и сказал: “Милости просим, дорогой сынок. Встречает тебя с хлебом и солью и со своей любо-

вью”. Григорий пошел в хату, а за ним и староста, Федор, Павел и родные. Подойдя к дверям хаты, Павел остановился. Федор, подавая Григорию икону, сказал: “Отдаю тебе святое благословение Павлово. А вместе с благословением и своего возлюбленного сына Павла”. Взяв икону из руки Федора, Григорий положил ее на столе и поцеловал. Федор взял Павла за правую руку и положил ее в руку Григория, но не бросая Павловой руки. И сказал старосте: “разлучи мою руку с рукой моего родного сына”. Староста взял Федорову руку и отдернул ее от руки Павла. Григорий подвел Павла к иконам и сказал: “Перед всеми святыми иконами и перед добрыми людьми клянусь я относиться к Павлу справедливо и любить его как родного сына. Если я буду его обижать, то не дай мне, Господи, умереть христианской смертью”. После этой клятвы Григорий приложился к иконам и поклонился народу. То же самое сделала и Евдокия. Тогда Павел встал на колени перед иконами и сказал: “Клянусь перед Богом и перед народом, что буду почитать новых родителей так же, как почитал родных”. Григорий и Евдокия взяли в руки иконы и благословили ими Павла. Павел поклонился им в ноги. Григорий взял с божницы крест, надевая его на шею Павла, сказал: “Благослови, Господи, моего сына любимого, ставшего мне родным”. Евдокия сняла с божницы пояс, подпоясала им Павла и сказала: “Как этот пояс красен, так чтобы красна была и наша жизнь”. После этого Павла посадили у вышки на рушник под благословение. Выдали ему на тарелке три рубля и сказали: “Это мы тебе как новому хозяину даем денег на разживу. Не прогневайся, что мало”. Павел взял деньги и подавая по рублю Григорию и Евдокии, сказал: “Я из малого желаю поделиться с Вами так же, как и из большего. Как разделить между Вами деньги на равные части, так желаю разделить с Вами горе с радостью”. Григорий и Евдокия поклонились ему и сказали: “Помогай нам Господи”. После этого Григорий объявил при всех: “Все имение, как движимое, так и недвижимое, после моей и моей жены смерти поступает в полное владение нашего сына Павла. При нашей жизни Павел должен нас почитать и слушаться, а после нашей смерти похоронить и поминать. Было бы это Вам, старички, известно”. Потом всех посадили за стол и Павел, как новый хозяин, угощал всех водкой. После угощения все поблагодарили Григория и Павла и ушли домой. На третий день житья Павла в новом доме призвали священника и отслужили в доме молебен. Священник благословил Григория, Евдокию, Павла с женой и приказал им жить мирно. С этого времени и живет». Автор информации добавляет, что данный обычай существует «везде в нашей местности в однодворческих деревнях, а иногда и в крестьянских».

Столь же ритуализированно оформляется и усыновление малолетних детей. Для нас представляет особый интерес заключение автора сообщения относительно того, какие элементы совершающегося ритуала усыновления имеют в общественном сознании крестьян наиболее легитимизирующее значение. В информации подчеркивается, что это не какие-либо записи юридического характера, а акты, играющие большую роль в религиозной культуре, в специфике коммуникаций православного общества: «Самым главным действием для усыновления, по-народному мнению, считается благословение, отречение и клятвы как отдающего своего сына для усыновления, так и усыновителя» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1112. Л. 11–12).

Заключение. В фокусе исследования был один из вариантов «обрядов перехода» – усыновление, точнее, традиции его оформления у русского крестьянства. Обычай усыновления детей-сирот (а также тех, чьи родители не способны были выполнять родительские обязанности) существовал и существует у всех народов, эта практика сохраняется и в настоящее время. Общество и государство поощряют подобные инициативы, поскольку усыновление данной категории детей – это оптимальный вариант дать ребенку возможность полноценной жизни, исключить формирование у него чувства ущербности, обеспечить прохождение всех этапов социализации, необходимой для будущей жизни. Однако статистика современного общества показывает наличие и даже увеличение числа отказов от приемных детей, что происходит в силу разных причин, но неизбежно оборачивается травмой для вновь лишенного семьи ребенка. Неизбежно встает вопрос: какие меры могут повысить ответствен-

ность приемных родителей, способствовать сохранению чувства любви и эмпатии по отношению к приемным детям, а главное, сделать сам акт усыновления необратимым? В крестьянском обществе в подобных случаях действовали в соответствии с обычным правом, имеющим локальные отличия, без юридического оформления. Проблема усыновления и формирования дальнейших отношений в семье решалась в плоскости православной этики и религиозных представлений, что соответствовало общей роли православия в формировании общественных отношений крестьян. Можно с уверенностью предположить, что малочисленность описаний ритуализованного процесса усыновления с приведением акций православного характера свидетельствует не об их отсутствии, а об их закономерности, обязательности, в силу чего авторы описаний не считали нужным их фиксировать как специфику. Учитывая православное сознание крестьянства, отказ от полученного по благословию и посредничеству святого мира ребенка воспринимался бы как греховный акт. Более того, имеющиеся этнографические материалы позволяют допустить, что включение православного элемента в акт усыновления влияло на особый характер внутренних взаимосвязей. Приведу небольшую характеристику семейных отношений из фонда С. Пономарева: «Что всего страннее, с приёмными детьми не судятся. С родными и зятьями судьбища идут, но с приёмными не судятся» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 47. Шенкурский у. Архангельской губ.). Таким образом, традиционная, основанная на православии культура заботилась о сохранении и постоянном восполнении своего социума и этноса в целом.

Примечание

¹По-видимому, ритуальные акты, имеющие в виду разрывание связей с прежней семьей, могли присутствовать в разных, менее радикальных вариантах, когда дело касалось малолетних детей: «При усыновлении, чтобы жила и не тосковала, берут от усыновляемой лапотки и оставляют у родителей» (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 39. Нижнеломовский у.).

Источники и материалы

АРГО – Архив Русского Географического общества. Ф. 12. Фонд С. Пономарева.

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея. Фонд В. Н. Тенишева.

Красножен 1906 – Красножен М. Церковное право. Юрьев, 1906.

Науменко 1998 – Науменко Г. М. Этнография детства. М.: Беловодье, 1998.

Пипия, Кокоурова, Ширманова 2022 – Пипия К., Кокоурова А., Ширманова И. Российское сиротство в цифрах исследования // 20.06.2022. Сайт Института развития семейного устройства <https://irsu.info/2022/06/20/stat/?ysclid=mb5admun8m48263622>

Шмелев 2013 – Шмелев А. Процент возврата усыновленных детей сильно преувеличен // 02.12.2013. Сайт «Правмир» <https://www.pravmir.ru/alexandr-shmelevprocent-vozvrata-usynovlennyyx-detej-silno-preuvelichen/>

Шустиков 1899 – Шустиков А. А. На мирском переделе земли: Очерк из северорусской жизни // Северный край. 1899. № 32, 35, 36.

Якушкин 1896 – Якушкин Е. И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. 2. Ярославль, 1896.

Научная литература

Власова И. В. Брак и семья у севернорусского крестьянского населения // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века / отв. ред. И. В. Власова. М.: Наука, 2001. С. 425–472.

Голикова С. В. Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. / отв. ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург: УрО РАН, 1996.

Григорьевский С. П. Препятствия к венчанию и восприимчивости при крещении. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/prepjatstvija-k-venchaniyu-i-vospriimnichestvu-pri-kreshenii/> (Дата обращения 24.07.2025).

Кузнецов С. В. Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских. XIX – начало XX в. М.: ИЭА РАН, 2008.

Листова Т. А. Мир святости в народном понимании // Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / отв. ред. О. В. Кириченко. М.: Наука, 2010. С. 285–337.

Шляхтина Н. В. Традиция призрения сиротства у русских // Идеалы и паллиативы в русской традиции и культуре / отв. ред. О. В. Кириченко. СПб.: Алетейя, 2018. С. 445–522.

References

Vlasova, I. V. 2001. Brak i sem'ya u severnorusskogo krest'yanskogo naseleniya [Marriage and Family Among the Northern Russian Peasants]. In *Russkii Sever: etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura. XII–XX veka* [The Russian North: Ethnic History and Folk Culture. 12th – 20th Centuries], ed. by I. V. Vlasova, 425–472. Moscow: Nauka.

Golikova, S. V. 1996. *Traditsionnaya kul'tura russkogo krest'yanstva Urala XVIII–XIX vv.* [Traditional Culture of the Russian Peasantry in the Urals, 18th – 19th Centuries], ed. by N. A. Minenko. Ekaterinburg: UrO RAN.

Grigorovskii, S. P. 2008. *Prepyatstviya k venchaniyu i vospriimnichestvu pri kreshchenii* [Obstacles to Marriage and Godparenting at Baptism]. Moscow: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi.

Kuznetsov, S. V. 2008. *Khozyaistvennye, religioznye i pravovye traditsii russkikh. XIX – nachalo XX veka* [Economic, Religious, and Legal Traditions of Russians. 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: IEA RAN.

Listova, T. A. 2010. Mir svyatosti v narodnom ponimanii [The World of Holiness in Popular Understanding]. In *Svyatyni i svyatost' v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoe issledovanie* [Sacred Places and Holiness in the Life of the Russian People: An Ethnographic Study], ed. by O. V. Kirichenko, 285–337. Moscow: Nauka.

Shlyakhtina, N. V. 2018. Traditsiya prizreniya sirotstva u russkikh [The Tradition of Caring for Orphans among Russians]. In *Idealy i palliativy v russkoi traditsii i kul'ture* [Ideals and Palliatives in Russian Tradition and Culture], ed. by O. V. Kirichenko, 445–522. Saint Petersburg: Aleteiya.

ORTHODOXY IN THE RITES OF PASSAGE: ADOPTION IN THE RUSSIAN TRADITION

Abstract. The article is devoted to the issue of adoption of orphans, as well as children from families that do not fulfill their parental duties, in the peasant environment. Based on ethnographic materials, it shows how and in what way the traditional culture solved the problem of the irreversibility of the act of adoption. The focus of the study is on the Orthodox context of ritualistic actions that formalize and legitimize the act of adoption.

Keywords: Adoption, Orthodoxy, family, parents, rituals and ceremonies.

Authors Info: Listova, Tatjana A. – Ph. D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation), E-mail: listova.ta@mail.ru

For citation: Listova, T. A. 2025. Orthodoxy in the Rites of Passage: Adoption in the Russian Tradition. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 43: 87–94

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.